

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА МАРТИШИНА

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск, Российская Федерация)

nmartishina@yandex.ru

ФЕМИНИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ГРАНИЦЫ ТЕМАТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Дана характеристика феминистской философии науки как развивающегося течения в современной эпистемологии. Выделены тематические направления исследований феминистской философии науки в социально-философском, методологическом и гносеологическом аспектах. Обоснована оценка феминистской философии науки как актуальной исследовательской программы в рамках социальной эпистемологии.

Ключевые слова: феминизм, философия науки, социальная эпистемология, социальные основания научного познания

Феминистская философия науки – философское течение, относительно недавно заявившее о себе как о самостоятельном направлении среди многообразных разработок в составе современного науковедения. Вопросы о месте, которое данное течение займет в общем спектре способов философской рефлексии над наукой, о возможностях и границах его исследовательской программы для отечественной философии пока остаются открытыми. Между тем это одно из самых интенсивно развивающихся направлений в сегодняшней философии науки, и в силу этого оно требует методологического осмысления.

Представляется, что вхождение феминистской философии науки в концептуальное поле российского науковедения сталкивается с одним дополнительным затруднением, характерным для распространения феминистской позиции в целом. Основанием и развертывания, и представления этого течения является определенная идеология, очень активная, зачастую навязчиво пропагандируемая и по определению спорная. В российском обществе в силу понятных причин она изначально вызывает достаточно высокий уровень неприятия, причем не только из-за способа трансляции, но и по существу. Проблема в том, что за этой идеологией иногда сложно разглядеть теоретическое содержание концепции, в случае феминистской философии науки отнюдь не примитивное и достаточно интересное. В данной статье мы постараемся представить рассматриваемое философское направление как раз за пределами «первого слоя» его идеологической презентации, в более широком плане – как теоретическую концепцию, имеющую ряд направлений разработки, и предложить его первичную методологическую оценку.

Наиболее известна и популярна историко-научная и социально-философская составляющая тематического пространства феминистской философии науки. По мнению Э. Поттер, вы-

сказанному в обзорной работе, феминистский подход в философии науки призван изучать, во-первых, социальные причины подчиненного положения женщин, выявляемые наукой; во-вторых, вклад науки в женское неравенство; в-третьих, вклад философии науки в обоснование этого неравенства, и лишь в-четвертых – более глубокий слой концептуальных оснований, обеспечивающих первые три позиции [12; 3]. Социально-критическая тематика феминистской философии науки включает активный поиск случаев успешного женского участия в развитии науки в истории и современном мире с обязательным выявлением и преданием гласности ситуаций недооценки этого участия. Основным периодом, на который направлены исторические исследования феминистской философии науки (учитывая, что женские фигуры Античности уже достаточно известны), выступает наука Нового времени, вклад в развитие которой женщин, работавших в качестве сотрудниц вместе с отцами, братьями, мужьями и оставшихся в тени славы последних, по мнению феминистских авторов, еще подлежит выявлению.

Представляется возможным выделить ряд ключевых для социального направления феминистской философии науки тематик. Прежде всего, логика подхода требует объяснения очевидной неравнозначности вклада мужчин и женщин в познание, несмотря на все возможные исторические корректировки. Феминистская философия науки постоянно возобновляет такие объяснения, концентрируясь прежде всего на проблеме доступности образования для женщин в разные эпохи, вплоть до XX века, а также указывая на сохраняющуюся традицию профессионального выбора в соответствии с социальными ожиданиями и соответствующую профилизацию уже на уровне среднего образования. Далее, представители феминистской философии науки рассматривают и оценивают – теоретиче-

ски и практически – неявные способы дискриминации женщин в научной работе. Например, М. Росситер [13] выделила в качестве таковых специализацию женщин в научных коллективах на вспомогательных видах деятельности (вычисление, каталогизация, ведение документации и т. п.) и недооценку женского участия в коллективных разработках – взаимосвязанные феномены, поскольку женское участие в результате принятого разделения обязанностей действительно становится менее значимым. В. Мор [7] указала на скрытое отношение к женщинам как «второму полу» на всех ступенях академической подготовки: преподаватели реже работают с ними индивидуально и реже предлагают им поисковые работы, они реже (в процентном отношении) получают гранты, чаще при трудоустройстве подвергаются расспросам относительно личной жизни и т. д. Именно с позиций феминистского подхода были описаны «феномен стеклянного потолка» (невозможность для человека с определенными характеристиками занять желаемую позицию при внешней ее доступности), «феномен перевернутой пирамиды» (обратное соотношение между престижностью социального уровня и представленностью на нем женщин), «символическая дегрегация» (формальный допуск без обеспечения реального включения) и т. д.

Кроме того, феминистская философия науки выявляет научные исследования, которые выступают (или могут быть интерпретированы) как «сексистские», и дает им соответствующую оценку. На практике к «сексистским» относятся все исследования, так или иначе направленные на установление изначальных, природных различий между мужским и женским интеллектом, способностями и т. д. В частности, активной критике с позиций феминизма подвергалась гипотеза М. Лайона: он использовал соображение о том, что, поскольку мужская клетка обладает X- и Y-хромосомами, а женская – двумя X-хромосомами, экстремальное проявление любого гена у женщин менее вероятно, для объяснения того, почему при равенстве средних значений разброс показателей уровня интеллекта у мужчин выше (соответственно самыми одаренными являются все-таки мужчины). Феминистская платформа инспирировала проведение независимых исследований, обнаруживших минимальные гендерные различия по четырем группам способностей (вербальные, математические, пространственное мышление и воображение), и интерпретировала эти исследования всегда как свидетельство того, что гендерные различия намного уступают в своей выраженности индивидуальным.

Таким образом, социальная проблематика феминистской философии науки вполне ожидаемо центрирована тематикой гендерного рав-

ноправия (хотя, обратим внимание, не является чистой идеологией, а включает в себя достаточно развернутые теоретические разработки). Но социальная проблематика далеко не исчерпывает тематическое пространство феминистской философии науки.

Непосредственным продолжением критической линии является феминистское обоснование необходимости женского присутствия в науке, что переводит рассмотрение в методологический план исследования гендерных особенностей стиля познавательной деятельности. Мужской стиль в данном контексте описывается как проявление общей маскулинной стратегии, связанной с установлением доминантных отношений. Из этого вытекают субъект-объектная парадигма взаимодействия с изучаемым материалом (стремление подчинить природу и вырвать у нее ответ), использование активных методов исследования, что на уровне взаимодействия в научном коллективе дополняется стремлением к утверждению собственной позиции. Соответственно женский стиль предполагает ориентацию на субъект-субъектное взаимодействие (стремление «позволить материалу говорить с тобой»), приоритет береговых (неразрушающих) методов, а с точки зрения отношений в исследовательском коллективе – готовность учитывать различные точки зрения, стремиться к их гармоничному сочетанию, признавать чужие достижения и искать компромисс. Адекватность этой позиции будет оценена выше, если мы вспомним, что с точки зрения гендерного подхода маскулинность и феминность (и соответственно мужской и женский стили) не вытекают автоматически из биологической принадлежности к определенному полу, а являются результатом личностного формирования. Таким образом, «мужской» и «женский» стили поведения в науке, описанные в феминистской философии науки, могут с ее точки зрения демонстрироваться как мужчинами, так и женщинами (хотя следует отметить часто прорывающуюся у феминистских авторов убежденность в том, что по-настоящему женским стилем могут обладать только женщины). «Хорошая наука требует демократичных познавательных процедур» [12; 141].

Таким образом, в методологическом направлении феминистской философии науки можно отметить один не вполне тривиальный момент. Ориентируясь на современную науку и соответственно рассматривая научную деятельность как форму коллективного труда, феминистские авторы позиционируют в качестве неотъемлемой части методологии стратегию внутригруппового взаимодействия, позицию в коммуникации каждого члена группы. При этом речь идет не только о социально-психологических аспектах общения, но и о принципах построения отношений в системе индивид – знание – коллективный

субъект познания. Представляется, что в связи с коллективным характером современной науки эта тема в ближайшей перспективе займет свое место в методологических разработках науковедческой проблематики.

Кроме того, в феминистской философии науки происходит характерное расширение методологической тематики еще в одном направлении. Э. Келлер отметила, что для традиционной эпистемологии было типичным выносить за пределы науки то, что принято относить к проявлениям женского начала (например, чувства или субъективный взгляд), и, напротив, объявлять женским то, чему в науке не находится места; соответственно методологическая задача состоит в возвращении в поле науки и науковедения объявленных «женскими» феноменов [4; 205]. Темы, возникающие в связи с этим в феминистской философии науки последних десятилетий, могут быть обозначены как «реабилитация ценностей», «реабилитация эмоций» и «реабилитация субъективной точки зрения».

Классическая гносеология чаще всего выводила ценности за пределы научного познания. По формулировке М. Вебера: «Там, где человек науки приходит со своим собственным ценностным суждением, уже нет места полному пониманию фактов» [1; 723]. Соответствующее отношение ценностного взгляда к женскому способу понимания мира, в противоположность объективному мужскому взгляду, о чем говорила Э. Келлер, также присутствовало в этой парадигме. Неклассическая эпистемология склонялась к включению ценностей в контекст познания, оценивая их влияние чаще всего амбивалентно. Феминистская философия науки направленно тематизирует проблему соотношения научного взгляда и ценностного мышления, и ее позиция в данном вопросе может быть выражена в следующих тезисах:

– Познание, свободное от ценностей, невозможно, поскольку любое познание отбирает значимые факты, отделяя их от незначимых, а такое разделение задается ценностями. Данное определение полностью подходит к научному познанию, поскольку наука существует по большей части для того, чтобы служить человеческим интересам. Даже если научное исследование не инспирировано непосредственно социальным заказом, почти всегда в его основе лежит глубинная убежденность в ценности определенных вещей (например, в основе медицинских исследований – ценность здоровья и необходимость борьбы с болезнями).

– Ценности не обязательно вступают в противоречие с объективным подходом; в реальных научных исследованиях они переплетены. Например, в биологических классификациях микроорганизмов ценностно окрашенное разделение на патогенные и непатогенные формы

используется вместе с анализом их морфологических признаков. «Ко-оперативная модель обоснования теории», предложенная Э. Андерсон [10], утверждает, что ценности задают стандарты значимости и адекватности теории, а опытная проверка определяет, соответствует ли знание этим стандартам.

– Ценности не являются автоматическим препятствием к достижению истины, а напротив, могут способствовать ее достижению: а) в контексте открытия; б) в контексте обоснования, например, важности объекта исследования; в) в контексте использования результатов познания; г) в выборе способов практической деятельности.

– Ценности, как и факты, могут подвергаться проверке и корректироваться опытом (например, человек, стремящийся к политической карьере, может на собственном опыте разочароваться в грязных политических технологиях).

Точка зрения феминистской философии науки на ценности парадоксальным образом близка к марксистской оценке идеологии: любое познание ангажировано ею, но идеология восходящего класса, более заинтересованного в преодолении однобокости существующей картины мира, обеспечивает адекватное познание. С точки зрения феминистской философии науки восходящим классом в науке являются, конечно, женщины, чья позиция «внутренних аутсайдеров» позволяет добавить к односторонности сложившихся в «мужской науке» стереотипов «свежий взгляд» (см.: [11]).

Похожую трансформацию претерпевает и поднятая в феминистской философии науки тема эмоционального познания. Отправной точкой ее разработки является тезис о том, что эмоциональное отношение к предмету исследования не обязательно несовместимо с научным подходом. Прежде всего, эмоции не противоположны разуму, поскольку мы можем осознавать свои эмоции (в частности, вербально их обозначая). Эмоции осваиваются в культуре, в том числе посредством научения (например, детей учат бояться незнакомцев или любить купание), и формируются ею (например, романтическая любовь была социокультурным конструктом определенной эпохи). Эмоции имеют «эпистемный потенциал» [3; 174]: например, успешному осуществлению полевого исследования Дж. Гудолл немало способствовала любовь к животным – без этого трудно представить, как ученый проводит день за днем, в течение нескольких месяцев, в непосредственной близости от стада шимпанзе; и для биологии это скорее правило, чем исключение. Некоторые феминистские авторы выдвигают даже предположение, что сама наука – это выражение определенных типичных эмоций: стремления чувствовать себя в мире как в освоенном, знакомом месте, тяги к упоря-

доченности, гипертрофированной конкурентности [3; 166–167]. При всей спорности подобной позиции заметим, что в данном случае они не одиноки: подобную позицию в русской философии обосновывал, в частности, И. И. Лапшин [5], рассматривавший в качестве движущих сил научного открытия любопытство, коллекционерскую наклонность, самозащиту, архитектурно-техническую наклонность и т. п.

Наконец, стремление к выработке методологии, обеспечивающей учет различных аспектов предмета исследования, привело феминистскую философию науки к теме обоснования познавательной ценности субъективного опыта – в форме персонального свидетельства – в науке. Конечно, личные истории должны определенным образом обрабатываться, но часто они являются единственным способом видеть стороны проблемы, не запрограммированные первоначальной исследовательской установкой. Как показала Андерсон в методологическом разборе истории исследования разводов группой Стюарта, только обращение к персональным свидетельствам позволило обнаружить такие неявные последствия разводов, как шаги сторон к получению дополнительного образования и другие попытки личностного роста: в первоначальную установку «Развод – негативная форма развития семейных отношений» это предположение не входило.

Таким образом, методологическое направление феминистской философии науки разрабатывает интересное расширение тематического пространства методологии. Очевидным образом основываясь на концепции познания как деятельности, она считает необходимым рассматривать человека, совершающего эту деятельность, не только как носителя разума, а во всей полноте качеств, составляющих его сущность, полагая, что все они включаются в познание. Важнейший для философской антропологии тезис М. Шелера: «Сущность человека и то, что можно назвать его особым положением, возвышается над тем, что называют интеллектом... Мы хотели бы употребить для обозначения этого X более широкое по смыслу слово, слово, которое заключает в себе и понятие разума, но наряду с мышлением в идеях охватывает и определенный род созерцания... далее определенный класс эмоциональных и волевых актов, например, доброту, любовь, раскаяние, почитание и т. д., – слово дух» [9; 52] – в данном случае получает фундаментальное эпистемологическое значение: в познании человек действует на основе духа. На наш взгляд, феминистская философия науки в данном тематическом срезе может рассматриваться как перспективный вариант синтеза философии науки и философской антропологии, отнюдь не сводимый лишь к выявлению гендерного аспекта познания.

И наконец, в гносеологическом поле, обусловленном данной методологией, также выделяется достаточно разработанное тематическое направление феминистской философии науки.

Базовой идеей течения можно считать идею предпосылочности научного познания, включая теоретическую нагруженность опыта. Изначально в основе этого принципа лежал поиск гендерных оснований в конкретных научных исследованиях – прежде всего проявлений скрытого андроцентризма в работах, посвященных изучению гамет, микроорганизмов или, например, отношений в обезьяньем стаде. Но достаточно быстро произошел переход к более общему тезису об обязательности и значимости в контексте познания исходных установлений любого рода.

С точки зрения феминистской философии науки субъект познания – всегда человек во всей полноте своего бытия. Он телесен, имеет пол, расу, класс, историческую и культурную принадлежность – и определенную степень самоидентификации во всех этих отношениях. Социальная структура включает гендерную, расовую, этническую и другие дифференциации; при этом она иерархична, то есть социальные группы являются доминантными, подчиненными, маргинальными и др. Каждая группа имеет характерные, вытекающие из ее социальной позиции дискурсивные рамки, концептуальные схемы, эпистемы, через которые рассматриваются природа и социальные отношения. Личность программируется, во многом неявно, опытом и установками, транслируемыми в группах, и существует на перекрестке своей принадлежности к различным группам. И проявления того, что познание осуществляет не анонимный гомогенный субъект, а «автор с отчетливо выраженной социальной идентичностью» [8; 220] (скажем, афроамериканка из среднего класса), возникают на всех этапах научного познания, от локализации предмета исследования до выводов из полученного материала.

Для разработки этой темы в феминистской философии науки введен очень интересный термин *standpoint*. Его автор, С. Хардинг, определила данное понятие как «объективную позицию в социальных отношениях, выраженную через определенную теорию или дискурс» [11; 150]. *Standpoint* – это точка зрения (*viewpoint*) с позиции, определенной социальным положением. Выявление *standpoints* в конкретно научных исследованиях является одной из ведущих программ феминистских *case studies* (правда, не всегда свободных от педалирования преимуществ именно женских *standpoints*).

Кроме соотнесения знания с социальными макрогруппами, феминистская философия науки исследует его связь с более локальными группами – научными сообществами. Она поддерживает представление о знании как социаль-

ном и коммуникативном (а не индивидуальном) феномене, указывая, в частности, что результат, полученный отдельным ученым, становится знанием в момент его восприятия научным сообществом. На ключевой вопрос гносеологии «Кто знает?» правильным ответом будет «Мы знаем» [12; 48]: для существования знания в качестве такового необходима intersubjective передача и поддержка. Это вполне согласуется с идеей взаимосвязи знания с природой человека, поскольку природа человека предполагает вхождение в сообщество; с другой стороны, она не противоречит идее объективности знания, поскольку принятие или непринятие сообществом знания происходит на основе сопоставления с объектом. Здесь также можно выделить термин, удачно центрирующий данную тематику, – это введенное Х. Лонгино понятие *conformation*. *Conformation* – это знание, которое согласуется с опытом и является предметом согласия научного сообщества (что рассматривается как два взаимосвязанных и дополняющих друг друга процесса). Опять-таки предметом феминистских *case studies* довольно часто становится исследование соотношения объективного и конвенционального компонентов в локальных разработках, но ими сделано и достаточно много выводов о характере некоторых предметных областей в целом. Так, вполне обоснованно утверждение, что газовые законы, содержащие сильные идеализации, или – пример несколько иного рода – географические карты отражают объективную реальность, но истинны еще и потому, что научное сообщество умеет корректно работать с данным способом отображения. Тезис «Научное знание производится научными сообществами, а не изолированными индивидами» [12; 127] получает в таких исследованиях конкретную содержательную проработку.

Феминистская философия традиционно проявляла большое внимание к языку, считая форму выражения мысли той средой, в которой прежде всего обнаруживают себя неявные социальные установки и предубеждения. Гносеологическое направление в феминистской философии науки также акцентирует связь знания и языка, устанавливая проявления описанных феноменов – *standpoints* и *conformations* – часто именно посредством лингвистического анализа. Тема языка науки, таким образом, занимает свое место в ее круге исследований.

В целом гносеологическое направление в феминистской философии науки может быть оценено как актуальный вариант одной из наи-

более эффективных в настоящее время исследовательских программ – социальной эпистемологии. Все основные идеи социальной эпистемологии – представление о знании как объекте конструирования (в дополнение к отражению), утверждение о социокультурных основаниях такого конструирования, об обязательной достройке эмпирических данных на основе определенных концептуальных предпосылок, а также когнитивных и некогнитивных ценностей, принятие вариативности знания как следствия его несводимости к эмпирическому базису, трактовка индивидуального как, с одной стороны, детерминированного социальным, а с другой – всегда более разнообразного и богатого по сравнению с общим и построение образа познающего субъекта на данной основе – высказаны в теоретических построениях и эмпирических исследованиях на основе феминистской концепции (о связи социальной эпистемологии и феминистской философии науки подробнее см. [6]). Возможно, феминистская эпистемология не выдвинула принципиально новых положений по сравнению с общей программой социальной эпистемологии, но она провела качественное развертывание этих идей и активно работает с фактическим материалом, на основе которого данные положения могут быть подтверждены. При этом ее рефлексия обращена на новые, актуальные научные разработки, а также на исследования в таких научных областях, как биология, медицина, социология, археология, этнография (в противоположность традиционной физикалистской ориентации философии науки).

На наш взгляд, это и есть перспективная линия в развитии философии науки сегодня. Когда определенная исследовательская программа сформулирована, для ее разработки требуется поиск нового эмпирического материала, который позволил бы и верифицировать ее, и двигаться на ее основе дальше. В более общем плане мы уверены, что следующий существенный шаг в развитии философии науки возможен только при условии обогащения ее антропологическим содержанием, «выведения из тени главного участника познавательного процесса – человека, причем не в его абстрактно-логических, но вполне реальных, живых характеристиках» [2; 33]. Феминистская философия науки интересна в этом плане не только как способ обнаружить один из аспектов бытия человека в науке – его гендерную размерность, но и как более широкий опыт попытки реализации именно такого взгляда на научное познание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
2. Волков А. В. Человеческое измерение научного познания. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 276 с.
3. Джэггер Э. Любовь и знание: эмоции в феминистской эпистемологии // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии. М.: Росспэн, 2005. С. 152–179.

4. Келлер Э. Ф. Феминизм и наука // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии. М.: Росспэн, 2005. С. 200–213.
5. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. М.: Республика, 1999. 399 с.
6. Мартишина Н. И. Феминистская философия науки: к оценке теоретического статуса // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Вып. 24. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2010. С. 98–107.
7. Мор В. Женщины в науке // Женщины в науке: Наукведение за рубежом. М.: ИНИОН, 1989. С. 49–65.
8. Хардинг С. Доказательная стратегия феминизма // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии. М.: Росспэн, 2005. С. 215–231.
9. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
10. Anderson E. Knowledge, human interests and objectivity in feminist epistemology // Philosophical Topics: The journal of the University of Arkansas. 1995. № 23 (2). P. 27–58.
11. Harding S. Is Science Multicultural? Postcolonialisms, Feminisms, and Epistemologies. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1995. 240 p.
12. Potter E. Feminism and Philosophy of science: An Introduction. London and New York: Routledge: Taylor & Francis Group, 2006. 192 p.
13. Rossiter M. Women scientists in Amerika: Struggles and Strategies to 1940. Baltimor: John Hopkins University Press, 1982. 412 p.

Martishina N. I., Siberian Transport University (Novosibirsk, Russian Federation)

FEMINIST PHILOSOPHY OF SCIENCE: BORDERS OF THEMATIC SPACE

The paper provides characteristics of the feminist philosophy of science, which is one of the trends in contemporary epistemology. The author describes the thematic space of the feminist philosophy of science (the main area of the research) and divides it into the social, methodological, and epistemological spheres. A conclusion that the feminist philosophy of science is an actual version of the social epistemology is substantiated.

Key words: feminism, philosophy of science, social epistemology, social background of scientific knowledge

REFERENCES

1. Weber M. Wissenschaft als Beruf // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1952. S. 572–597.
2. Volkov A. V. *Chelovecheskoe izmerenie nauchnogo poznaniya* [Human aspect of scientific knowledge]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2012. 276 p.
3. Jaggar A. M. Love and Knowledge: Emotions in Feminist Epistemology // Inquiry: An Interdisciplinary journal of Philosophy. 1989. June.
4. Keller E. F. Feminism and science // Journal of Women in Culture and Society. 1987. Vol. 2. № 3. P. 489–502.
5. Lapshin I. I. *Filosofiya izobreteniya i izobretenie v filosofii* [Philosophy of invention and invention in the philosophy]. Moscow, Respublika Publ., 1999. 399 p.
6. Martishina N. I. Feminist philosophy of science: evaluation of theoretical status [Feministskaya filosofiya nauki: k otsenke teoreticheskogo statusa]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya* [Bulletin of Siberian Transport University]. Issue 24. Novosibirsk, SGUPS Publ., 2010. P. 98–107.
7. Mor V. Women in Science [Zhenshchiny v nauke] // *Zhenshchiny v nauke: Naukovedenie za rubezhom* [Women in Science: Studies of Science abroad]. Moscow, INION Publ., 1989. P. 49–65.
8. Harding S. Feminism and Methodology: Social Science Issues. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1987. 240 p.
9. Scheler M. Die Stellung des Menschen im Kosmos. München, 1928.
10. Anderson E. Knowledge, human interests and objectivity in feminist epistemology // Philosophical Topics: The journal of the University of Arkansas. 1995. № 23 (2). P. 27–58.
11. Harding S. Is Science Multicultural? Postcolonialisms, Feminisms, and Epistemologies. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1995. 240 p.
12. Potter E. Feminism and Philosophy of science: An Introduction. London and New York: Routledge: Taylor & Francis Group, 2006. 192 p.
13. Rossiter M. Women scientists in Amerika: Struggles and Strategies to 1940. Baltimor: John Hopkins University Press, 1982. 416 p.

Поступила в редакцию 10.02.2014